

Леонид Соловьев

**Грустные и веселые события
жизни Михаила Озерова**

Леонид Васильевич Соловьев Грустные и веселые события в жизни Михаила Озерова

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=327432

Соловьев Л.В. Севастопольский камень: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»; Москва;
1963

Аннотация

«... – Позвольте, позвольте! Кого другого? Кого? – слышала она, и хотелось ей зажать уши. И вдруг Чижов закричал: – Озерова, помощника?... Озерова? Да?..

Он обозлил Клавдию этим выкриком. Она остановилась, бледная, сказала коротко:

– Да!

Чижов подступил к ней вплотную. Были еще какие-то слова; совсем близко увидела она перекосившееся лицо Чижова, глаза, блеск зубов. Она отступила. Подломились в коленях ноги. Чижов с налету опрокинул ее на скамейку. Руки его шарили. Клавдия отбивалась молча, отчаянно, ломая ногти. Руки Чижова окостенели, не разжимались. Клавдии удалось повернуться, и, откидывая голову, она несколько раз сильно и резко ударила его назад затылком, рванулась, отбежала за дерево. Все произошло в одну секунду. Медленно трезвея, Чижов достал из кармана платок, приложил к разбитому носу.

Клавдия спросила вызывающе, с веселой злобой:

– Что? Получил? Хорошо!..

На всякий случай она подняла булыжник, если опять сунется. ...»

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леонид Соловьев Грустные и веселые события в жизни Михаила Озерова

1

Это было в деревянном городе Зволинске.

По вечерам Михаил и Клавдия ходили в кино. Трижды мигнув, гасли лампочки, экран освещался голубым мерцанием первой вступительной надписи. Темный зал встречал надпись сдержанным гулом, только один Михаил не читал этой надписи вслух. «Раз, – говорил он, загибая палец. – Слышишь, Клава, запомни: раз».

Прямо в лицо сухим зноем дышала пустыня, индийский раджа раздувал хищные ноздри тонкого горбатого носа, Пола Негри шла в пески навстречу гибели. Через белые ледяные поля пробивались тяжелые ледоколы, отцы расстреливали сыновей, девушки облачали возлюбленных – агентов врангелевской разведки. «Путь в Дамаск», «Три встречи», «Индийская гробница», «Кровь и песок», «Сорок первый», «Водопад жизни», «Бухта смерти»... Клавдия с головой уходила в этот мир страстей, страданий и героических подвигов. Изнемогая от волнения, она судорожно сжимала руку Михаила, он же был спокоен и холоден: он считал надписи, затемнения и диафрагмы. «Сорок два титра, восемь затемнений, запомни, Клава!» «Сорок два титра, восемь затемнений, – повторяла она сухим, горячим шепотом. – Смотри, Миша, он лезет в окно».

Стрекотал аппарат, луч окрашивался то в голубое, то в красное. «Вираз, – шептал Михаил, – девятый вираз. Запомни, Клава». Фигуры на экране двигались с непостижимой стремительностью – так могут они двигаться только в провинции и только на последнем сеансе, когда механик устал, а дома дожидается друг и скучает один над нераскупоренной бутылкой и помидорным салатом.

Аппарат был старый, и часто механик объявлял в проекционное окно, как в рупор:

– Граждане, аппарат сломался. Сеанс окончен.

Граждане устремлялись к будке и находили ее предусмотрительно запертой изнутри. Граждане требовали заведующего. Механик отвечал через дверь:

– Заведующий здесь ни при чем. Аппарат старый. Дребезжит.

– А как же теперь? – спрашивали граждане. – Так и уходить, не досмотревши за свои деньги? Откуда мы теперь должны знать, что там с ним случилось, у Махны?

– А у Махны случилось с ним вот что, – говорил механик и, воодушевившись, открывал дверь. – Сидят они, стало быть, в штабе, водку пьют, и вдруг – полковник! Не тот, который в черкеске, а другой, толстый. Нагрязнул и кричит: «Где план? Подавайте сюда план, или всех постреляю на месте, собачьи ваши глаза». Они и туда и сюда – нет плана! Сперли. Но кто? – вот вопрос. Тут, стало быть, который с усиками, хватает: «Вот он, красный! Держите!» Что?.. Какого полковника?.. Да не полковника вовсе, а этого, приезжего. Экой вы народ беспонятный! – сердился механик, и его черные греческие усы шевелились. – Говорят вам русским языком – приезжего хватает. Тут, конечно, обыск. Эх, спутался! Полюбовница приходит сперва, а в руках у нее письмо... Обождите-ка, я вам про письмо говорил?

– Нет, – отвечали граждане. – Про письмо позабыл.

– Ах, ты! – досадовал механик и снова рассказывал всю картину – подробно, с глубокими отступлениями в прошлое; граждане переставали понимать даже то, что видели до порчи аппарата.

Потом Михаил провожал Клавдию домой. Они шли через свежую весеннюю мглу переулков, разговаривая вполголоса, чтобы не потревожить угомонившихся на ночь собак. Вскоре они выходили на линию, к тусклому блеску рельсов. Здесь кругло цвели на низких железных стеблях зеленые огни стрелок. С затыжным убегающим звоном скользила по блокам проволока, протянутая к семафору. Твердые цепкие жуки, привлеченные на линию све-

том, с коротким гудением ударились в белую рубашку Михаила, впивались в волосы Клавдии. Она боялась, что жук может провалиться за блузку, и придерживала воротник рукой.

... Три месяца тому назад Михаил, сидя с Клавдией в кино, вдруг сказал:

– Я решил переменить свою жизнь в корне. Через год я буду на экране.

Тогда она ждала от него других слов, а этим не придавала значения. Она знала, что ребята часто хвастаются перед девушками силой, храбростью и много врут. Михаил понял ее мысли и угрожающе добавил:

– Вот посмотришь!

Теперь она убедилась в полной серьезности его решения. Он забросил драматический и литературный кружки, где раньше был главным запевалой; в стенной газете «Паровозник» ни разу с тех пор не появлялось ни стихов, ни фельетонов за его подписью. И только одна Клавдия знала о большом деле, за которое он взялся: провожая, он рассказывал ей свой сценарий. Он менял встречи, события, разговоры, и сегодняшняя выдумка всегда казалась ему лучше вчерашней. Это был героический сценарий, прославлявший красного моряка Ивана Бурового, победителя всех князей, баронов и генералов. Роль самого Ивана Бурового Михаил предназначал себе.

– Он выбросит селедки в море, а сам спрячется в бочку, – рассказывал Михаил, холодок вдохновения бежал по его спине. – Он спрячется в бочку, и белые привезут его в порт. Затем он пробирается в штаб...

– Так нельзя, Миша. Он не проберется в штаб. От него будет вонять селедками, и часовые сразу догадаются.

– Ерунда! – сердился Михаил. – Он выкупается в море и переодевается.

– А где он возьмет другую одежду?

– В мешке привезет! С собой!

– Если он привезет мешок в той же бочке, – рассудительно отвечала Клавдия, – тогда, и переодевшись, он все равно будет вонять селедкой.

– Это неважно! Удивляюсь, как ты не понимаешь! Никто не обратит внимания. Ты думаешь, там, на фронте, одеколоном пахнет? Там всякое нюхали, не то что селедку! Слушай и не перебивай меня.

Вздыхнув, она отвечала покорно:

– Я слушаю.

Они садились на любимую скамейку, против большого трехэтажного дома, стены его скрывала темнота, освещенные окна казались прорезанными прямо в небе.

– Он пробирается в штаб, прячется в кабинете генерала Палачева. Потом он смотрит гипнотическим взглядом, и генерал засыпает. Клава, ты опять не слушаешь! Если тебе неинтересно, то скажи прямо...

– Миша, мне очень интересно. Я внимательно слушаю. Я могу повторить, если хочешь.

Так они разговаривали, не замечая времени, а мимо, прогибая рельсы, непрерывно грохотали перегруженные составы из Москвы и на Москву. Сверхмощные паровозы тащили вагоны с хлебом, картошкой, мясом, с тракторами и цементом, платформы с автомобилями, танками, аэропланами, цистерны с бензином и нефтью – все богатство и грозная сила огромной страны, – грохоча, перекачивались от границы к другой границе; дымили заводы, цвели поля, ревели самолеты на военных аэродромах, красноармейцы склоняли над учебниками стриженные головы; следователи терпеливо допрашивали разных мерзавцев, преодолевая желание плюнуть им в подлые физиономии; стыл бетон крепостных укреплений; пограничники лежали в секретах, плоские лучи прожекторов, перекрещиваясь, ощупывали воду и воздух – и все это для того, чтобы Михаил и Клавдия могли спокойно сидеть ночью на скамейке и поверять друг другу смешные и милые мысли.

В большом доме напротив гасли окна одно за другим. Клавдия загадывала – в каком ряду погаснет следующее окно: если правильно, значит будет исполнение желания.

...Дома Михаил прежде всего снимал ботинки. Он делал это из предосторожности, потому что иногда, разгорячившись, бегал по комнате и стуком каблуков мог разбудить хозяев. Дверь он завешивал одеялом.

За окном в палисаднике густо цвела сирень, темнота насквозь была пропитана ее запахом. Подобно факиру в «Индийской гробнице», Михаил вызывал из темноты славный дух Ивана Буревого. Сонно бормотали и ворочались хозяева за перегородкой, звенела гитара на улице – Михаил ничего не слышал, охваченный созидательным волнением. Он до того распял себя, что карандаш прыгал в его пальцах и почерк менялся; он закрывал глаза – и стройной чередой проходили видения. Да, он вдохновенно сочинял свой сценарий, и если у него не все получалось ладно и хорошо, то потому только, что он еще ничего не умел. Зеркало висело сбоку; Михаил нарочно повесил его так, чтобы видеть себя, не вставая со стула. Заканчивая сцену, он тут же репетировал ее перед зеркалом. Вся роль превосходно удавалась ему, даже гипнотический взгляд.

Перед тем как сказать Клавдии знаменательные слова об экране, Михаил долго раздумывал о смысле жизни, о своем будущем. Уже давно его томили и тревожили неясные мечты о славе, о подвигах, и вот однажды он прочел в каком-то журнале статью знаменитого человека, известного всему миру.

«...Даже теперь мне страшно вспомнить о прошлом. Покинутый всеми, одинокий и осмеянный, я был близок к отчаянию. Бесперывные удары надломили мою волю, я начал терять силы, мужество, веру в себя. Я был одно время близок к тому, чтобы отказаться от своей заветной цели и мирно плыть в жизни по течению, безвольно подчиняясь всем его прихотям, ничего не завоевывая, довольствуясь лишь тем, что само дается мне в руки. Все мои силы и способности растратились бы на житейские мелочи, как это, к сожалению, бывало с десятками и сотнями тысяч людей – моих современников... Я уверен, что талантливых людей гораздо больше, чем принято думать, но кому в то время нужна была их талантливость? И часто они сами не знали о ней и уходили, не оставив по себе следа на земле, ничем не обогатив мир. Есть хорошая сказка о нищем, который купил на толчке пиджак и двадцать лет носил его, не подозревая, что в подкладке зашиты бриллианты. Так и похоронили его в этом пиджаке с бриллиантами...»

«...Молодые люди! – восклицал далее знаменитый человек. – Не уподобляйтесь этому нищему, неустанно разыскивайте свои бриллианты, смелее показывайте их миру! Вы первое в истории поколение, которое не знает, что такое голод, конкуренция, карьера. Вас не обманут, не покинут, не осмеют, вам не грозит ни безнадежность, ни отчаяние, – так будьте же смелыми кузнецами судьбы, искателями счастья, ищите и шлифуйте свои бриллианты и помните, что жизнь без борьбы и благородных стремлений – не жизнь, а только существование!..»

Такие слова заставят задуматься хоть кого! Они звучали как боевой призыв. Михаил начал искать свой подвиг – и нашел, посмотрев одиннадцать раз «Чапаева». Все будет понятно, если добавить, что стихи Михаила дважды печатались в местной районной газете и что руководитель драмкружка находил в нем определенный талант. Михаил вдруг почувствовал себя необычайно сильным, способным сделать все и сразу поверил в это, потому что сомнения – печальная привилегия зрелости, а ему только на днях исполнилось двадцать лет, и сомнений в его душевной описи не значилось. Он был так уверен в успехе, что заранее переселился в свое блистательное будущее и жил, опередив время на целый год. Это была странная и очень интересная жизнь, в которой все случившееся сегодня было уже как бы воспоминанием – кроме Клавдии. С Клавдией Михаил не хотел расставаться; путь к славе он расчищал для обоих: он был героем, а Клавдия – героиней картины.

Готовясь к своему подвигу, Михаил в книге «Киноактер перед аппаратом» прочел о фокусах с лицевыми мускулами, о номенклатуре жестов и поворотов и с возмущением отверг всю эту систему хитрой и тонкой лжи. Нет, он не хотел обманывать себя и других, притворяясь Иваном Буревым! Нужно, уподобившись заботливому садовнику, вырастить в себе новую душу, непреклонную, смелую, благородную! Он твердо решил, сыграв роль, оставить за собой имя и фамилию героического моряка – это будет заключительной точкой в сложном процессе замены в себе одного человека другим.

Новые душевные качества завоевывались в тяжелой борьбе. Очень утомительно все время быть благородным; иногда не хочется вступать в разговоры с пьяными, пристающими на улице к женщине, тем более что пьяных трое и все – здоровенные; очень противно вставать ночью и в целях воспитания воли по системе профессора Штейнбаха лить на тело, разгоряченное сном, ледяную воду из колодца. Чтобы проверить свою выдержку, он простоял однажды полчаса с вытянутыми вперед руками. Он мог бы перенести любые испытания; если бы он слышал когда-нибудь о геральдике, то нарисовал бы для себя герб: у подножья неприступной скалы с белой сияющей вершиной стоит гранитный обелиск – символ мощи и непреклонности, на граните высечена рука с перстом, указующим вверх, и под ней короткий девиз: «Сделай или умри!»

...Тетради убраны, и лампа потушена. Небо светлеет, звезды на востоке уже совсем исчезли, кроме одной, самой яркой. А Михаилу снится все тот же Иван Буревой – он вырвал из рук палачей прекрасную девушку Клавдию, и она полюбила его. «Сейчас не время! – сурово отвечает моряк. – Идите в санитарный поезд служить революции. Мы еще успеем поговорить о любви, если останемся живы...» Оглушительно бьет пулемет... Нет, хозяйка стучит в дверь костлявыми кулаками.

– Вам сегодня дежурить, Миша!

Неужели утро? Да. За окном прозрачная свежая дымка; уже плавают стекла верхних этажей; тополя, встречая солнце, замерли с просветленными вершинами и медленно опускают к ногам, на землю, влажные и легкие теневые одежды.

Михаил шел серединой улицы по мостовой. За огородами начинались запасные пути. Здесь всегда хлопотал маневровый паровоз-инвалид, отставленный по ветхости от пассажирской и товарной службы. Бодро погромохивая на стыках, он подбегал к составу. Тонким голосом он приглашал Михаила полюбоваться на его удаль. Никогда ему не удавалось стронуть вагоны сразу. Он лязгал буферами, шипел, хрипел, пар тугой струей хлестал из всех скрепов и фланцев. Колеса вертелись на одном месте, как будто паровоз был чуть-чуть, незаметно для глаза, приподнят над рельсами.

Из будки управления вылезал машинист Петр Степанович и с проклятием сыпал под колеса песок.

– Люди топливо экономят! Людям премию дают! – кричал он. – Так люди на паровозах ездят! А это что?

Паровоз заглушал его слова отчаянным шипением; вверху пар, охлаждаясь, сгущался и падал водяной пылью.

– Не идет? – спрашивал Михаил.

– Нет! – горестно отвечал Петр Степанович. – Ни в какую. Видишь ты – ни силы в нем, ни тяжести. Он сам под собой и крутится...

Петр Степанович сдвигал на затылок кепку с покоробившимся козырьком.

– Состав, что ли, тяжеловат?

И прикидывал прищуренным глазом длину состава.

Паровоз в это время продолжал крутить колесами на одном месте, натягивал сцепы, стучал буферами. Но Петр Степанович знал, что паровоз без него все равно никуда не уедет, и не торопился вернуться в будку.

– Не стронет, окаянный! Вот и получи с ним премию! Топливо сожрет, как порядочный, а возить – его нету! Эй, Маркелыч! – кричал он сцепщику. – Не берет, холера! Давай расцепляй, в два раза перевезем...

На этой ветхой машине Михаил под руководством Петра Степановича начинал изучение трудного дела – водить поезда. Потом его перевели помощником к машинисту Яну Яновичу Вальде. Прощаясь с Михаилом, Петр Степанович говорил.

– Ты, Миша, держись за этого Вальду. Этот Вальда очень головастый человек, он из тебя машиниста сделает первого класса. Я его давно знаю – он у меня помощником ездил на бронепоезде «Гром». Что было – только смеху подобно! Он по-русски не говорит, а я по-латышски не понимаю.

Петр Степанович улыбнулся, пожевал губами.

– Насели они пешим строем – цепями на бронепоезд. Сунутся, а мы им по морде, по морде! Пальба поднялась – белого света не видно; пули в паровоз тук-тук-тук!.. Но только гляжу – нет моего помощника!.. Туда, сюда – нет. А он вылез на тендер и кроет из маузера. Прямо орел! Под самыми пулями стоит, чертова голова! А я тут один управляйся на паровозе, как хочешь... А потом я его загнал на трое суток на гауптвахту.

Михаил удивился.

– За что же на гауптвахту?

Петр Степанович наставительно пояснил:

– За то, что во время боя паровозная прислуга из будки управления никуда не могли ни одного шага. А это он врал, что русского слова «назад» не понимает. Если «вперед», так он очень даже хорошо понимал. Вот за что... Ну, давай попрощаемся, Миша...

Они погрустили, сидя на рельсах, в тени паровоза. Петр Степанович посетовал на свою старость.

– Сколько я вашего брата, помощников, выучил – нет числа. А ты уж, видно, последний... Вчера я, брат, заявление подал насчет пенсии.

На следующий день Михаил, робея, пошел к новому начальнику и учителю. Вальде пользовался на участке большим уважением за твердость характера и неоспоримые знания. Он был приземистым и рыжеволосым, на ходу широко разворачивал ступни и пригибал голову, точно ее тянула к земле тяжесть большой черной трубки, всегда висевшей в зубах.

Он встретил Михаила вежливо и холодно. Посапывая трубкой, сказал:

– Этот паровоз есть самый лучший на целый участок и сейчас находится в прекрасном состоянии.

Вальде помолчал, потом положил на регулятор тяжелую руку. Блестела полированная сталь рычагов, желто сияла медь арматуры, сияли крупные золотые зубы во рту Вальде; он повернул голову, и на его вчера выбритой щеке дрогнул медный блеск.

– Я прошу вас, Михаил Озеров, служить хорошо. Помните, что песок есть злейший враг для всякий механизм. Поэтому всегда закрывайте масленку. Болт и клин могут ослабнуть, и тогда в машине получается вредный стук. Поэтому я прошу вас туго забивать клин и до отказа затягивать гайка. И еще я прошу поддерживать чистота и вытирать паклей поручни. Я люблю ездить на паровоз в белой рубашка и воротничок...

Он действительно ездил иногда в костюме при галстук. Сдавая по окончании маршрута свой паровоз, он говорил:

– Этот воротничок есть такой же чистый, как вчера, потому что этот паровоз есть такой же чистый, как этот воротничок.

И, не дожидаясь ответа, уходил тяжелой неторопливой походкой, оставляя за собой густую вишневою струю дыма от флотского табака.

Михаилу с непривычки было холодно в этом храме чистоты и точности. Зато паровоз никогда не капризничал, и не приходилось пороть горячку, налаживая перед самым выездом

инжекторы, как это часто бывало у других машинистов. А Вальде оказался не таким уж надменным и недоступным – выяснилось, например, что он любит хоровое пение и хлопчет об организации кружка в клубе; выяснилось, что дома у него живет замечательный ученый скворец, разговаривающий по-латышски и немного по-русски (с таким же, наверно, акцентом, как у самого Вальде).

Михаил легко нашел путь к сердцу Вальде – не жалея рук, чистил арматуру и при каждом удобном случае громко восхищался паровозом. Вальде был доволен новым помощником и великодушно прощал ему неизбежные мелкие промахи.

– Вы очень хороший помощник, но вы есть молодой человек и любите иногда вот это... как это по-русски? Мечта. Вы, наверно, много думаете о разных путешествиях, приключениях и еще о девушках. Михаил, помните, что эта машина – самый лучший на целый участок, и она очень ревнивая. Она не любит, если вы ухаживаете за ней, а в своя душа думаете о женщина. Мужчина всегда платит за такой обман очень дорого – он теряет обе женщина. Поставьте масленку крепко, Михаил, – смотрите, нефть льется на пол, а она стоит деньги...

2

За полчаса до окончания работы в цех пришел начальник депо, грузный и седоусый. Он изнемогал от жары, его парусиновый китель промок на спине и под мышками. Осматривая свои владения, начальник степенным хозяйским шагом направился в угол, где стоял у самого окна маленький новенький станок Клавдии.

– Добрый день! – сказал начальник.

Клавдия ответила:

– Добрый день.

Ей было неловко работать под его внимательным взглядом, и она склонилась ниже, прислушиваясь к бархатному ровному пению станка. Через смуглые, слегка закопченные стекла смотрело солнце; в цехе все вертелось, блестело, гудело, бежало – ремни, шкивы, шестеренки; на стенах, на потолке – всюду играли, плясали, прыгали зайчики, отраженные гладкой сталью. Острый резец чуть-чуть, самым уголком, на один волос касался металла и, словно разматывая солнечную нить, гнал бесконечную тонкую стружку.

Эта спокойная работа, совсем не требующая силы, только чуткости в пальцах, острого глаза, точности и терпения, была по душе Клавдии. Особенно любила она мягкую, податливую медь и могла по меди снять такую стружку – на удивление всему цеху, – как паутину! Железо нравилось ей меньше, к серому чугуну относилась она равнодушно, сталь не любила, а белый чугун, упрямо сопротивляющийся резцу, твердый и хрупкий, как стекло, просто ненавидела.

Сегодня она работала по меди. На глазах начальника она два раза подряд нарочно сняла свою знаменитую стружку-паутину. Начальник разгадал ее мысли и засмеялся.

– Хочется, чтобы похвалили? С удовольствием! Есть за что...

Она подала начальнику готовый клапан – желтый, блестящий, гладкий – хоть на выставку! Начальник промерил его кронциркулем и остался доволен.

– Только вот руки у вас побиты и поцарапаны, – сказал он. – Разве можно девушкам руки портить?

– А что?

Начальник посмотрел веселыми глазами.

– Любить не будут, вот что.

Клавдия покраснела, но быстро нашлась и ответила с озорством:

– Будут!..

И сейчас же испугалась, разве можно так с начальником! Но сегодня он был в хорошем настроении, ушел посмеиваясь.

Конец работы, густой хриплый рев, сотрясающий стекла, потом тишина. Все остановилось, солнечные зайчики мгновенно успокоились и уснули на станках, на ремнях – там, где застал их гудок.

Возвращаясь домой, Клавдия зашла в аптеку и купила крем для рук. Михаилу она задала вопрос:

– Мои руки тебе кажутся некрасивыми?

Он удивился.

– Я как-то не обращал внимания. Давай посмотрим.

– Нет, нет... – Она быстрым движением спрятала руки за спину. – Потом. Сейчас они действительно некрасивые, все исцарапанные. Зря я тебе сказала, будешь теперь рассматривать.

Они шли купаться на речку. Дорога огибала пологие лысые холмы, навстречу, взметая желтую пыль, дул низовой ветер, на горизонте сгущался белесый зной, обещая грозу. Нако-

нец за кустами блеснула река, вся покрытая мелкой солнечной рябью, точно сыпался на нее искристый дождь. Михаил давно уже разделся, шел в одних трусиках, заботливо раздвигая кусты перед Клавдией. И ей приятно было видеть, что он – стройный, крепкий, только слишком черный, – что же будет с ним в конце лета?

Любимое место для купанья оказалось занятым – какой-то бородатый рыболов с подвязанной щекой понатыкал здесь свои удочки.

– Куда вас черти несут! – захрипел он страшным, сдавленным голосом. – Ходят, только рыбу пугают!

Михаил, нахмурившись, остановился. Клавдия быстро шепнула:

– Не надо! Не связывайся! Пойдем дальше!

Она взяла его под руку, потащила за собой. Он упирался, грозно оглядываясь на рыбака.

– Перестань!.. – сказала Клавдия. – Какой злока! Невозможно!

– У меня есть правило – за каждую обиду отплачивать.

– Нашел обиду! – засмеялась она. – Действительно! Рыбаки, они же все психи! Миша, посмотри, что это плывет по реке?

Они стояли на высоком глинистом обрыве, у самого края, но разглядеть ничего не могли, ослепленные блеском живой, торопливой игры воды, ветра и солнца.

– По-моему, это ящик, – неуверенно сказал Михаил.

– Ящик? Миша, а может быть, в нем что-нибудь есть?

– Да!.. – он оживился. – Надо посмотреть. – Он отступил три шага назад.

Клавдия угадала его намерения, но остановить не успела. Голос Клавдии настиг его уже в воздухе. Растягиваясь и выгибаясь, он стремительно летел по крутой дуге; в воду врезался, как снаряд, без плеска и брызг – вода только забурлила, вспенилась и сомкнулась над ним. Руки его коснулись песчаного дна; сильно оттолкнувшись, он пошел вверх, к прохладному зеленоватому свету, что слабо пробивался в подводную тишину. Через минуту он вынырнул, фырча и отдуваясь, жадно хватая воздух.

Ящик оказался пустым. Михаил направился к берегу. Стремительное течение несло его вниз. Он плыл, сильно выбрасывая руки, прилепывая ладонями, высунувшись из воды всей грудью. Клавдия встретила его упреками:

– Ты совсем сошел с ума. Разве так можно? А если здесь мелко? Или кол? Или коряга какая-нибудь?

– Ладно, ладно. Подумаешь, важность – один раз прыгнул. Никаких кольев здесь нет – я купался на этом месте и знаю дно.

– Ты врешь! Ты все врешь! Ты не знаешь дна! У тебя, Миша, очень горячий и нетерпеливый характер. У тебя могут быть из-за этого неприятности в жизни.

– Я не боюсь никаких неприятностей! Но только здесь кольев нет, я же знаю...

Так они спорили до самой отмели, потом Клавдия переодевалась за кустами, потом они купались, лежали на горячем песке и снова купались, потом Михаил ловил пескарей под камнями и сажал их в отгороженную лужицу. Солнце уже садилось за лесом на той стороне; река успокоилась, затихла, накрытая тенью до середины; сильнее запахло сыростью, водорослями, плеснулась крупная рыба, квакнула лягушка, первый комар потянул сквозь тишину свою звенящую нитку.

– Пора, – сказала Клавдия. – Миша, уходи. Я буду мыть костюм.

Он уговаривал ее окунуться вместе в последний раз. Клавдия отказывалась – холодно! Смеясь, он подхватил ее, понес к воде и вдруг остановился. Кровь ударила ему в сердце, в голову, он вздрогнул; глаза потемнели, расширились, дыхание отяжелело.

Клавдия поняла сразу.

– Миша, ты опять! – Она уперлась рукой ему в грудь, пытаясь освободиться. – Пусти меня!

Он молчал, прижимая ее к себе все крепче. Она притихла и смиренно лежала на его руках, пряча лицо, чтобы не выдать своего волнения. Их разделяла только влажная ткань ее костюма.

– Миша, прошу ведь! Пусти! Ты обещал. Можно тебе верить, наконец, или нет?

– Верить? – Голос его окреп и очистился. – Мне всегда можно верить, Клава!

– Тогда пусти!

– Пожа-алуйста!..

Он хотел сказать это слово с пренебрежением, а вышло – с обидой. Подхватив свою одежду, он пошел вверх, к деревьям. Клавдия долго сидела на берегу одна, обняв колени, грустно улыбнулась и пожалела себя до слез. У нее были серьезные причины жалеть себя.

Михаил нетерпеливо кашлянул наверху. Клавдия сняла костюм и тихонько вошла в ласковые, теплые объятия воды. Ленивая зыбь всколыхнула ее отражение. Клавдия украдкой взглянула на обрыв. Если бы Михаил в это время смотрел на нее – она сделала бы вид, что не замечает. Но обрыв был пустым, ровным – никто не смотрел. Клавдия вздохнула, оделась, поднялась по тропинке.

Михаил, заложив руки под голову, вытянулся на траве, смотрел в небо, охваченное светлым заревом. Клавдия села рядом, осторожно погладила его темные мягкие волосы.

– Ты сердишься?

– Нет, Клава... Я только удивляюсь. Ты как будто совсем не веришь мне.

– Я верю тебе... Но я уже давно хотела сказать...

– Я знаю, что ты скажешь. Может быть, ты ошиблась, может быть, я не нужен тебе?

– Не то, Миша, совсем не то. Совсем другое. – Ей было трудно. Она отвернулась. Кажется, она позабыла все слова и подолгу вспоминала каждое. – Я давно хочу тебе сказать, и все как-то не приходится.

Но Михаил, увлеченный своими мыслями, не слушал ее.

– Весь этот разговор вообще ни к чему. Я не из таких. У меня хватит выдержки. Я не какой-нибудь мещанин, у которого и мыслей других нет, только чтобы овладеть. Я с тобою гуляю не для этого, – быстро добавил он, покраснев.

Клавдия слегка улыбнулась. Михаил заметил ее улыбку, сдвинул брови.

– Ты напрасно смеешься! Хорошо, я докажу! Ты мой характер знаешь, мое слово твердое. Сегодня это было в последний раз. Теперь ты можешь даже раздеваться передо мной, как все равно перед столбом! – Он встал, резко затянул ремни сандалий. – Кончено!

Они возвращались молча. После таких разговоров между ними всегда возникало легкое отчуждение. Михаил шел краем дороги, обивая прутком колючие головки репейников. Ветер улегся и не пылил больше, разливы реки были гладкими, розовыми, из оврагов и низин поднималась синяя мгла, и опять замерли с просветленными вершинами тополя, прощаясь со своим светоносным богом.

Сегодня Клавдия опять не призналась, и это неприятно томило ее. Она старалась угадать, что он скажет, когда услышит: в этом был оскорбительный оттенок боязни. Клавдия шла и сердилась на Михаила, что слишком любит его, – если бы меньше, давно бы призналась. «Вот еще! Подумаешь! – Она решительно вскинула голову. – Скажу ему сейчас, а там пусть как хочет!»

– Миша!

– Что?

– Мне с тобой нужно поговорить... Я думала... очень много думала.

Михаил остановился, ждал, а Клавдия все молчала. Ее лицо было напряженным, ниточки бровей приподнялись, губы дрогнули и сомкнулись.

Михаил беспокойно пытливо заглянул ей в глаза, томимый ревнивым предчувствием.

– В чем дело? Что ты мне хотела сказать? Говори прямо...

Решимость покидала ее. «Тряпка! – подумала она о себе. – Нет, я скажу! – Она вздохнула прерывисто. – Нет, я не могу... Я потом скажу, когда-нибудь...»

Она заставила себя улыбнуться.

– Миша, ты совсем не то думаешь... Я хотела сказать о твоём моряке. Он вылез из селечной бочки и прошел мимо часового в штаб. Так нельзя. Его поймут. Пусть он лучше влезет в окно.

– В окно?.. – Он не поверил ей и тоже хитрил; Клавдия это чувствовала. – Нет, Клава. Окна в штабе закрыты. Как же он влезет?

– Он выдавит стекло.

– Ты говоришь глупости, Клава. Он всполошит шумом всех часовых.

– Никакого шума. Он намажет стекло медом, а сверху наклеит бумагу.

Михаил заинтересовался, замедлил шаги.

– Никакого шума, – повторила Клавдия. – Осколки прилипнут к бумаге. Воры всегда так делают.

– Воры?.. Я никогда не слышал.

Клавдия отстала, чтобы Михаил не видел ее лица.

– Я в книжке читала. Будет лучше, если он влезет в окно.

– Нет, Клава! Откуда он может знать этот способ? Что он, вор какой-нибудь или бандит? Не годится. Зрители могут подумать, что он был вором.

– Ну и что же, если подумают?

– Клава! – От возмущения и негодования Михаил не мог найти слов. – Что ты говоришь, Клава! Как это пришло тебе в голову? Он моряк, понимаешь – моряк, революционер, герой! Я удивляюсь твоим словам...

Клавдия смотрела в землю, вся поникшая, и не сказала больше ничего. У железнодорожной насыпи они расстались. Михаил поцеловал Клавдию, на его губах она почувствовала холодок недоверия. Потом он бегом помчался домой переодеваться: ночью паровоз уходил в очередной маршрут. А Клавдия не торопилась – вечер у нее был свободен. Темнело, кое-где в окнах уже загорались огни. Клавдия одиноко шла в своем белом платье по безлюдной дорожке вдоль палисадников, охваченная странным чувством, когда кажется, что время остановилось и все будет всегда, как сейчас. Она совсем не заметила дороги, опомнилась только дома. В условленном месте под крыльцом нашарила ключ, открыла дверь. В душный коридор, где стоял запах нагретой смолы и краски, хлынул свежий сильный поток лунного света. Клавдия прошла в свою комнату, такую крохотную, что в ней нельзя было повернуться, не задев спиной открыток и бумажных вееров на стенах. Тускло мерцало в полутьме зеркало. Клавдия села на подоконник, открыла окно. Все было тихо, никто не мешал думать и вспоминать. Перед ней прошло многое из прежней жизни. Она горько упрекнула себя – почему опять не сказала? Ведь когда-нибудь все-таки придется, зачем же тянуть?

Она должна была сказать Михаилу простую вещь – что осталась в четырнадцать лет сиротой и попала в плохую компанию. Дело кончилось, как обычно, – лагерями. Там Клавдия заработала полное снятие судимости, восстановление в гражданских правах и путевку со стипендией на профтехнические курсы. Остальное известно – для Клавдии началась настоящая жизнь. Большой, сияющий, светлый мир впервые открылся ее изумленным глазам, полный простых, но величественных чудес. Восходы и закаты, сверкающий короткий дождь, шумящий в полдень по молодой листве, и потом – семицветная радуга, поля и реки, тенистые густые леса, лунные ночи, соловьи, костры и песни над тихой заколдованной водой, милые хозяйственные хлопоты на вечеринках и пикниках, пироги в складчину, самовары, веселый цех с грузным седоусым начальником, подругами и товарищами, танцы в саду, драматиче-

ский кружок и стенгазета в клубе и, наконец, самое большое чудо – Михаил. Даже недостатки его казались Клавдии достоинствами – нетерпеливость, вспыльчивость, особенно властность, которую она бессознательно поощряла: ей нравилось быть покорной и послушной ему.

Но его туманных стремлений и надежд Клавдия в глубине души не одобряла, видя в этом опасное чудачество. Все есть у парня, что ему еще нужно? Почему она, Клавдия, счастлива, довольна этой жизнью, а его все тянет куда-то? Она не понимала, что для нее эта жизнь была уже достигнутой высотой, а для него – только началом подъема; она завоевала эту жизнь, а он получил, как будто в подарок, готовую – сам ничего еще не завоевал и никуда не поднимался. Хотя сейчас они стояли в жизни рядом, но Клавдия смотрела больше вниз, в прошлое, наслаждаясь своей теперешней высотой, а Михаил, за неимением прошлого, смотрел вверх, в будущее, и тосковал по нему. Она уже испробовала силу и крепость своих крыльев, а он еще нет, она была спокойна, как всякий человек после большой победы, а он горячился и петушился, как перед боем. Клавдия, впрочем, надеялась, что со временем Михаил отрезвеет. У нее были на будущее простые и ясные планы – она хотела семьи. В ней текла мирная, честная кровь заботливой хозяйки; даже в разгульном воровском шалмане она пыталась, повинувшись инстинкту, заводить примус, кастрюли, скатерти, занавески, но ее дружок в плисовых штанах и сапожках, туго набитых мясом, все это немедленно пропивал, даже одежду и одеяла...

В Зволинске никто ничего не знал о Клавдии. Во всех ее анкетах против графы о судимости стояла черточка. Клавдия имела законное право не отвечать на вопросы подруг и товарищей о прежней жизни; если зачеркнуто, значит зачеркнуто. Где надо – знают, а остальным знать вовсе ни к чему. Она хорошо понимала, что всем доверяться не следует; земля населена не только друзьями, но и сплетниками, и дураками, и негодьями. На профтехнических курсах Клавдия получила жестокий урок – сказала, что приехала из лагерей, и этим отравила себе всю жизнь, даже хотела бросить курсы. Соседка по общежитию стала прятать на ночь свои часы, другая соседка – пышная, белая, с круглыми фарфоровыми глазами и толстым шепелявым языком, очень добрая, но столь же глупая, каждый день приставала с расспросами о похождениях: вся жизнь Клавдии представлялась ей цепью сплошных пождений на манер Соньки Золотой ручки или Рокамболя. Нашелся, конечно, и парень, встречавший Клавдию странными усмешками, нашлась жалостливая повариха, выбиравшая для Клавдии лучшие куски и причитавшая над ее тарелкой. Все это было одинаково нестерпимо. А в довершение всего явился развязный и прыщеватый молодой человек с фотоаппаратом и сказал, что намерен напечатать в местной газете статью под заглавием «От убийств и грабежей – к честному труду», необходим портрет Клавдии. Тут уж Клавдия не выдержала – были слезы, крик, валерьянка; молодой человек с фотоаппаратом благоразумно смылся; прибежал доктор. Клавдию кое-как успокоили. С этого дня все обидчики, вольные и невольные, притихли. Хороших, умных ребят было на курсах гораздо больше – они взяли Клавдию под защиту и помогли дотянуть до выпуска.

– Куда хочешь поехать? – спросил директор.

– Куда-нибудь подальше. – Подумав, Клавдия добавила: – И чтобы я одна...

Директор размашисто подписал путевку в Зволинское депо.

– Вперед будешь умнее. Тебя за язык не тянули. Получай. Едешь далеко. И одна. Давай руку.

На новом месте все было очень хорошо до тех пор, пока любовь с Михаилом не зашла так далеко, что Клавдии волей-неволей нужно было рассказать ему о себе. Она все выбирала момент поудобнее и никак не могла выбрать: для таких объяснений подходящих моментов, к сожалению, не существует. Не могла же она огоршить Михаила в самом начале, только что выслушав его бурное признание? Через месяц она думала, что говорить еще рано, так же

думала и через два месяца, а на третьем почувствовала тревогу и беспокойство, убедившись, что любит всерьез. Много раз она окольными путями испытывала Михаила, чтобы заранее знать его ответ в решительную минуту, но он, открывая ей все, оставлял именно этот уголок, точно в насмешку, наглухо запертым и непроницаемым.

Она вспомнила сегодняшнее купание. Уже в третий раз Михаил порывался к ней, и все труднее было устоять, а главное – зачем. Но она боялась, что после никогда не решится сказать и будет ждать, когда он сам узнает. Нет! Она не согласна жить в таком унижительном, вечном страхе; пока что она еще свободна и, если Михаил откажется, сумеет перенести. Видали не такое! Очень ясно представилось ей, как все это будет: он, пряча глаза, глухо скажет: «Надо расстаться», – и с притворным зевком протянет руку. Она спрыгнула с подоконника, охваченная гордостью, негодующим волнением. Она заранее ненавидела Михаила. Лицу было жарко, выступил пот. «Я пойду и скажу!» Она кинулась к двери, но вспомнила, что Михаил сейчас на работе – не дома. Обессилев, она легла на кровать.

Она лежала долго, потом встала, зажгла лампу на тонкой выдвижной ножке, подошла к зеркалу: «А все-таки я красивая!» Эта мысль немного успокоила ее, она одернула кофточку, подкрасила губы, напудрилась, повязала шелковую косынку, что очень шла к ее синим глазам, примерила несколько улыбок – пошире, поуже, с блеском зубов и без блеска, остановилась на одной и долго изучала себя в зеркале, решая важный вопрос – очень она привлекательна или не очень, сможет Михаил отказаться от нее или не сможет. Решила, что очень привлекательна и он отказаться не сможет, – повеселела.

Донесся мягкий голос знакомого паровоза. Клавдия тихо подумала: «Поехал! Счастливого пути!» – и долго прислушивалась к затихающему железному ливню, что уходил все дальше и дальше в ночные поля.

3

Профиль пути на участке был сложным и трудным, особенно в сторону Москвы. На девятнадцатом километре от станции начинался крутой подъем; чтобы преодолеть его, нужно было все время с момента выезда держать в котле очень высокое давление пара.

– Михаил, сегодня мы будем делать еще одна маленькая экономия – полчаса.

Медленно, уверенно и точно ходили, отблескивая медью и сталью, дышла, шатуны, кривошипы и штоки, провертывая с тугим усилием пять пар тяжелых колес; в топке глухо ревели белое пламя, зыбкая стрелка манометра, подрагивая, висела над красной чертой, в стеклянной трубке колыхался водяной столбик; потный котел гудел и вибрировал, сдерживая напор атмосфер. Вытягивая на подъем тяжелый состав, паровоз дышал глубоко, мощно и ровно; впереди, в белом свете фонарей сияли рельсы. Вальде неторопливо и мудро поучал Михаила:

– Когда вы будете самостоятельно водить поезда и встретите такой подъем, то помните – самый главный правило – не дергать. Машинист, который дергает и горячит себя на подъем, не есть машинист, а есть сапожник. Сцепка может лопнуть, и вагоны пойдут назад в такой крутой спуск, и будут одни брызги! Это очень страшная штука – обрыв на такой подъем!

Ударил грохотом встречный поезд, мелькнул, обдавая Михаила горячим ветром, частя по его лицу обрывками света. Поезда разошлись – и опять всплыл спокойный голос Вальде:

– Вы есть молодой человек, Михаил, и в жизни вашей сейчас начался очень крутой подъем. Никогда не дергайте. Поднимайтесь вверх ровный ход и следите, чтобы в котле у вас...

Вальде указал на свою широкую, выпуклую грудь.

– Чтобы здесь у вас было всегда высокое давление.

Паровоз вышел на горизонталь и, набирая скорость, веселее и чаще стучал колесами. Вальде взглянул на часы.

– На этот подъем мы уже сэкономим шесть минут. Что вы делаете, Михаил! Никогда не открывайте перед семафор топка – очень слепит ваши глаза, и вы не различаете путевой сигнал.

...В одну из таких поездок Михаил был мрачен и молчалив. Вальде, конечно, заметил это.

– Что с вами?

– Так... Ничего.

Заметила и хозяйка, когда Михаил вернулся домой.

– Вы нездоровы, Миша?

– Нет, здоров. Просто так...

Он умылся, прошел в свою комнату и долго сидел, не притрагиваясь к чаю, накапливая в сердце обиду и гнев. На ветке, что заглядывала в окно, самозабвенно дрались взъерошенные воробьи, к ним с картузом наготове подкрадывался хозяйский сынишка; его босые ноги оставляли на рыхлых грядках глубокие следы. И слышался сердитый голос хозяйки:

– Куда, куда тебя черти несут? Грядки топчешь, чтоб тебя разорвало!

«Клава, – писал Михаил, – я не ожидал от тебя такого поступка. Почему ты не сказала мне прямо, что тебе нравится другой? Ты думаешь, я ничего не вижу? Если ты меня разлюбила, должна сказать прямо, а не двурушничать...»

Письмо не выходит. Вялые слова бессильны тронуть сердце Клавдии, в намеках не хватает горечи и насмешки.

Михаил порвал письмо, решив поговорить лично.

Он намеревался сегодня спросить Клавдию напрямик, что думает она об ухаживаниях Чиждова, счетовода из конторы депо, и не пора ли ей сделать окончательный выбор. Этот Чиждов уже целый месяц ухаживает за Клавдией. В его длинном лице, без улыбки и без румянца, в просто зачесанных волосах, в желтых немигающих глазах с крошечными зрачками было что-то неуловимое – эдакий слабый, необъяснимый и неприятный запах его души. В депо не любили Чиждова и звали почему-то «Кастанай». Он был молчалив, скрытен, даже купался всегда отдельно, на мелком месте, и в воду заходил не выше пояса, боясь утонуть. Потом тихим и ровным ходом ехал на своем стареньком велосипеде обратно, осторожно огибая каждый камушек и слезая с велосипеда перед каждым мостиком.

Михаил знал Чиждова только по редким встречам в конторе, где приходилось иногда ругаться из-за неправильно подсчитанных премиальных. Не поднимая головы, Чиждов листал ведомости, перекидывал бледными, приплюснутыми на концах пальцами костяшки счетов и, наконец, говорил:

– Вам причитается еще сорок рублей, а всего за месяц четыреста семьдесят.

Он протягивал ордер; в его желтых глазах светился какой-то странный огонь, и пальцы дрожали.

Вот этот самый Чиждов и был соперником Михаила.

...Когда стемнело, Михаил в новом костюме и при галстукe явился в сад. Было очень душно – июньский вечер без ветра, без влаги; листья деревьев поникли в изнеможении, но звезды горели над электрическим заревом высоко и чисто, обещая ночью прохладу. В полутемной аллее Михаил замедлил шаги. За деревьями на танцевальной площадке играла музыка. Михаил знал, что Клавдия сейчас там и, наверное, не одна. Ну что же, очень хорошо, когда-нибудь надо поговорить всерьез! Он не из таких, Михаил Озеров, чтобы колебаться, трусить, бесконечно ждать. Он требует все или ничего! Он и так слишком долго молчал!

Он вышел из темноты на свет, к деревянному кругу. Лицо его выражало решимость и непреклонность. Среди танцующих он увидел Клавдию; так и есть – она шла в паре с Чиждовым. Губы ее были полуоткрыты, глаза влажны, через тонкий шелк блузки просвечивали красные ленточки на плечах. Она ничего не замечала, увлеченная танцем, счастливая с другим. Она, может быть, и берегла себя для другого? Если бы Михаил не занимался так долго воспитанием своей воли, то ужасная мысль эта подбросила бы его на метр кверху. Но он только крепче стиснул кулаки в карманах и судорожно проглотил слюну, – нет, он не согнетса, Михаил Озеров, он ничего не боится в жизни, готов ко всему! Теперь понятно, что хотела сказать ему Клавдия на реке.

Музыка оборвалась, толпа на деревянном круге поредела. Клавдия увидела Михаила, бросилась, радостная и раскрасневшаяся, к нему. Он встретил ее ледяным взглядом.

– Нам нужно серьезно поговорить, Клава.

– Даже серьезно!.. О чем это?

Он молча взял ее под руку, повел в сторону, подальше от фонарей. Чиждов долго смотрел им вслед желтыми немигающими глазами.

Михаил и Клавдия шли молча. Широкая аллея незаметно переходила в тропинку, заросшую высокой травой; здесь в глубине сада не было электрических лампочек, светила сквозь деревья луна.

– Что-нибудь случилось, Миша? – спросила, наконец, Клавдия.

Он глухо ответил:

– Ты сама знаешь.

– Ничего я не знаю. Говори прямо.

– Брось, Клава. Я не дурак, и не разводи со мной дипломатии.

Она высвободила свою руку.

– Ты, Миша, стал ужасно грубый. Во-первых, я ни в чем не виновата – он ко мне подошел и пригласил, а тебя не было. Я хотела отказаться, да как-то неудобно...

– Конечно, конечно, – криво усмехнулся Михаил.

Клавдия вспыхнула.

– Ты не имеешь права со мной так разговаривать. Я тебе не жена и никто...

– И слава богу! – подхватил он. – Слава богу, что не жена.

– Ах, вот как! Еще не поздно, Миша. Мы оба свободны.

Михаил остановился, в упор посмотрел на Клавдию. Она смело встретила его взгляд.

– Ты не выспался, Миша. У тебя плохое настроение.

– Я могу уйти!

Он ждал, что Клавдия остановит его. Она спокойно подала руку. Он затянул пожатие, все еще ожидая каких-то слов, но Клавдия молчала. Он отпустил ее руку – не надо! Она вдруг поняла, что это всерьез, и рванулась к нему, но было уже поздно: он уходил размашистым шагом, высоко поднимая голову. И в его походке, в том, что он ни разу не обернулся, Клавдия впервые по-настоящему почувствовала мужской гнев. Она бы крикнула, вернула, но помешал Чижев. Появившись откуда-то перед Клавдией, он заглянул ей в лицо и сказал:

– Идемте танцевать, Клавочка. Не беспокойтесь, я провожу вас домой.

...Это была первая серьезная размолвка между Михаилом и Клавдией. Прошла неделя, а они все еще не помирились, даже не разговаривали. В кино менялась программа – Михаил и Клавдия не видели новых картин, в саду каждый вечер играла музыка – Михаил и Клавдия не танцевали. Они совсем позабыли любимое место на реке, и теперь бородастый рыболов мог спокойно расставлять по берегу свои корявые удочки.

В душе Михаила тлела слабая надежда, что Клавдия опомнится и придет к нему с повинной головой; три вечера он отдежурил впустую на скамейке против большого трехэтажного дома. По утрам дворник, подметая улицу, ворчливо дивился: кто это мог набросать около одной скамейки столько окурков и почему все они брошены недокуренными даже до половины? Михаил не знал, что в эти же самые томительные часы Клавдия, тоскуя, ждет не дождется его на танцевальной площадке, вздыхает, грустит и, наконец, отчаявшись и ожесточившись, идет, назло ему, танцевать с Чижевым.

На следующий день услужливые друзья, встретив Михаила, докладывали:

– А Клава вчера в саду была и танцевала.

– Меня не интересует, с кем она танцевала, – отвечал Михаил. – Она вообще больше не интересует меня.

Встречаясь иногда с Клавдией где-нибудь в депо или в клубе, он безразлично и холодно кланялся ей и быстрым шагом проходил мимо без единого слова, без рукопожатия, унося на лице скорбную улыбку мудреца, познавшего всю тщету земных надежд. Ему было не легко – он даже похудел, бедный! Клавдия тоже измучилась, улыбка исчезла с ее лица. «Какие мы дураки, форменные дураки!» – думала она по ночам, сидя в одной рубашке на подоконнике, вся в лунном дыму. Давным-давно следовало бы им помириться и обменять свои мучения врозь на радость вместе, но между ними стояла гордость, эта вечная помеха в любовных делах. Как дорого порой обходится людям эта гордость: бессонные ночи, тоска, мрачное раздумье и, наконец, последняя, памятная на всю жизнь встреча, когда глаза, руки – все говорит: «Да, да!», но губы, искривленные гордостью, упрямо и жестко повторяют: «Нет!», или еще страшнее: «Никогда!» И сколько раз потом человек пожалеет об этом слове, глядя на пожелтевший дорогой портрет с прощальной надписью на обороте.

– Что случилось, Михаил? – спрашивал Вальде.

– Ерунда.

– Женщина, Михаил. Это обязательно женщина.

– Ничего подобного. Просто болит голова.

– Я знаю, когда у здоровый молодой человек начинает вдруг болеть голова. Она простужает себя, когда молодой человек напрасно ждет на свиданье. Но она никогда не простужает себя, если на свиданье приходят оба. У меня, Михаил, есть одна книга, там есть одно такое письмо, что если девушка читает его, то брызгает слеза и сердце рвет себя на мелкие части. О, какое это письмо! Его сочинил великий Дон Жуан! Если хотите, Михаил, я переведу это письмо на русский язык. Оно начинается так: «Дорогая, зачем я буду жить, если я есть сжигаемый в пламя любовь и есть убиваемый, как пуля, голубые глаза!..»

– Право же, ничего не случилось, товарищ Вальде.

– Еще я хотел сказать: у меня дома в палисадник есть много цветов. Приходите, и мы нарвем один красивый большой букет. Он может иногда хорошо помогать от головная боль.

...И снова ночь, храп хозяев за перегородкой, ветер, темнота за окном, и в страшной вышине, в разрыве тяжелых туч – одинокая голубая звезда. Это были часы тех раздумий, что оставляют морщины на лице. Михаил достал из ящика первую тетрадь сценария. В перечне действующих лиц под номером вторым значилось: «Клавдия, красивая девушка, 20 лет, среднего роста, блондинка, стриженная». Он зачеркнул эти строчки: «Мария, прекрасная девушка, 18 лет, брюнетка, высокого роста, с длинными волосами».

Все было кончено. Он один пойдет по дороге славы. Подруга не будет опираться на его сильную руку. Тем лучше! Довольно грустить, ты раскис, Михаил Озеров, разве зря ты занимался воспитанием воли по системе профессора Штейнбаха! Завтра свободный день, значит можно писать всю ночь. Осталось немного – всего две части, но почему не указал в своей книге профессор Штейнбах верного средства сразу забыть серые глаза, стриженные волосы, смуглые руки и короткое имя? Вот, например, в пятой части Иван Буревой разговаривает с девушкой по имени Мария, а перо само пишет заглавное «К». И почему нельзя легко зачеркнуть эту букву, чтобы не сжималось и не падало сердце?

4

Счетовод Чижев был человек завистливый и алчный. Лютая зависть терзала его душу беспрестанно, подобно зловредному чирею. Каждый рубль в чужих руках казался Чижеву вытасненным из его кармана.

Особенно мучился он в дни составления полумесячных ведомостей на зарплату, когда против фамилий начальника депо, инженеров и машинистов писал цифры от пятисот и выше, а против своей фамилии – девяносто. Он завидовал пассажирам спальных пульмановских вагонов, прохожим в новых костюмах, читая газету – завидовал летчикам, изобретателям, спортсменам, артистам, стахановцам и уж совсем вконец добивало его коротенькое сообщение о каком-нибудь счастливец, выигравшем по займу пять тысяч. Словно пораженный вдруг электрическим током, он, бледнея, замирал на месте и долго сидел, покусывая тонкие губы, а в желтых немигающих глазах его медленно разгорался тусклый и мрачный огонь.

Да, ему нелегко жилось, счетоводу Чижеву. Казалось, все человечество нарочно сговорилося поминутно тревожить его чирей. Он хотел в ответ презирать человечество – и не мог, потому что зависть несовместима с презрением, – ему оставалось только злобствовать.

Палимая постоянным жаром, истомленная непрерывной лихорадкой, душа Чижева пожелтела, высохла, сморщилась и к моменту описываемых нами событий представляла собой уже не цветник, а скорее гербарий чувств. Но это не помешало ему влюбиться, если только можно назвать любовью тот беспокойный зуд, который он ощутил в себе недели через две после знакомства с Клавдией. Почти каждый вечер он встречался с нею в саду, танцевал, сидел на скамейке; говорил он мало, все больше молчал, глядя в лицо Клавдии так пристально, что она не выдерживала – отводила глаза.

Эту молчаливость Клавдия отметила про себя как неоспоримое достоинство Чижева. Разговаривать ей совсем не хотелось, все время она думала о своем.

Но Чижев был не такой человек, чтобы зря тратить время на игру в молчанку.

Однажды он удивил Клавдию вопросом: умеет ли она шить? Разговор происходил на скамейке, под общипанной акацией, ронявшей сухие стручки. На деревянном круге ревел оркестр и шаркали десятки ног. Клавдия пошутила в ответ:

– Вы хотите мне заказать что-нибудь? Я заказов не принимаю.

– А для себя? – серьезно спросил Чижев. Улыбки не было на его лица.

– Конечно, умею. Я все умею...

– Угм, – отозвался Чижев и замолчал на весь вечер. Он был уверен, что Клавдия отлично поняла скрытый смысл его вопроса.

Домой возвращались поздно, в первом часу. Луна пряталась в облаках, было темно, дышал ночной ветер. Чижев осторожно взял Клавдию под руку.

– Здесь кочки. Не споткнитесь.

Она шла, опустив голову. Чижев все плотнее прижимал ее локоть. Она даже не замечала. Все мысли ее были заняты Михаилом. Где он сейчас? Наверное, давно уже спит или сидит над своим сценарием. И вдруг охватило Клавдию такое нетерпение увидеть его лицо, услышать голос – хоть беги прямо сейчас, ночью, к нему домой! «Надо мириться. Не могу больше», – подумала она, краснея от стыда за свою слабость, но это был радостный стыд – не тяжелый. И тут же она решила уступить Михаилу во всем, позабыв даже гордость. «Ничего, – утешала она себя. – Когда-нибудь придет и он ко мне первый. Завтра напишу письмо, что я виновата. Пусть, хоть я и не виновата, но пусть... Я потом когда-нибудь скажу, что не виновата. Я напишу письмо...» Вся дорогу она сочиняла это письмо. Порой в ее

мысли врывались со стороны чужие слова – это были слова Чижова. Он говорил что-то, но Клавдия слышала только обрывки и сейчас же теряла нить его голоса.

– Оклад у меня сто восемьдесят. Конечно, подрабатываю сверхурочными рублей семьдесят. Если поднажать – можно сто.

«Поднажать – можно сто», – поймала Клавдия. В это время она обдумывала, как лучше начать письмо: «Дорогой Миша» или просто «Миша». Ответила наугад:

– Совершенно верно... Конечно...

Чижов кашлянул, закурил папиросу, покосился при свете спички на голую шею Клавдии. Они уже свернули в переулок. Здесь было темно от деревьев, упруго рокотали в сырой канаве лягушки. Прощаясь, Чижов дольше обычного задержал в своей руке ее тонкую руку.

– Родители мои живут в городе Юрьевце, на Волге, – рассказывал он. – Виды там роскошные и климат здоровый... Дом – собственный, сад в полгектара. Одних яблок продают на восемьсот рублей с лишним. А в урожайный год – больше тысячи... Я единственный сын, наследник...

Помолчав, он добавил:

– Отцу – семьдесят лет. Матери – шестьдесят восемь.

Клавдия услышала только последнюю фразу. Сказала, открывая калитку:

– Совсем уже старенькие.

Чижов понял ее слова по-своему, как деловой, вполне законный вопрос.

– Года три, больше не вытянут, – ответил он. – Чуть ходят, больны оба. Желаю вам приятных сновидений. Спокойной ночи!

Из густой пахучей темноты палисадника донеслось:

– Спокойной ночи!

Но эта ночь была совсем не спокойная. В комнате Клавдии до рассвета горел огонь. Клавдия писала. Ее пальцы были вымазаны в чернилах. Письмо получилось длинное и бессвязное. «Позову его просто в сад, там все скажу на словах. Он меня любит, он придет. Скажу, что виновата, хоть и не виновата – пусть!..» Вместо письма Клавдия запечатала в конверт коротенькую записку с приглашением прийти в сад и потушила лампу, но уснуть все равно не смогла. Так и встретила утро с открытыми глазами. Птицы начинали в кустах свою суетливую работу, с крыши на подоконник падали, сияя и блестя в первых лучах, крупные капли росы.

А на другом конце поселка в хмуром казенном многоквартирном доме ворочался на скрипучей, расшатанной койке Чижов. Это была его последняя одинокая ночь. Вчерашний разговор Клавдии убедил его в том, что она согласна выйти замуж. Впрочем, он и раньше не сомневался в ее согласии, иначе зачем бы она стала тратить время на ежедневные встречи в саду? Человек солидный – тридцать четыре года, пьющий, но мало, имеет профессию – чем не муж? Тем более, предвидится наследство – собственный дом и сад в полгектара. Клавдия тоже была невеста вполне подходящая, как это выяснил Чижов, справившись в конторе о ее заработках и расспросив знакомых о ее поведении. К тому же она Чижову очень нравилась. Но комната, комната!..

Чижов обвел взглядом свою комнату. Действительно, это была комната мрачная, как подвал. Особенно неприглядной казалась она сейчас в сером утреннем свете: желтый потолок, голые, истыканные гвоздями стены, облупившаяся штукатурка, сизые окна, отсвечивающие мутной радугой. Обстановка небогатая – стол, табуретка, койка, вешалка и больше ничего! Точь-в-точь тюремная камера, не хватало только решетки в окне. «Довольно стыдно и даже нахально приводить жену в такую комнату», – подумал Чижов.

Он встал и, не теряя времени, принялся за ремонт. Разбудив соседа маляра, он попросил у него ведро и кисти. «Комнату отделываю», – пояснил Чижов. «Ага-а, – протянул заспанный маляр, поддергивая розовые подштанники, – жениться надумали, стало быть». Он был

опытный маляр и знал, что люди не отделяют комнат просто так, от одной фантазии. Вернувшись в постель, он сообщил новость жене. «Поди ты! – заворчала жена. – Кто это пойдет за него, за Кастаная?»

Но когда на следующий день Чижов, весь заляпанный мелом, позвал ее вымыть в обновленной комнате пол и протереть стекла, она поверила. Подоткнув юбку, обнажив жилистые ноги, она принялась за работу. Чижов умылся, переделся в белое и пошел в город. В походке его была медлительность, несвойственная ему раньше, на лице – торжественная строгость.

Вернулся он с подводой, нагруженной двухспальной кроватью, столом, гардеробом, двумя стульями и картиной в золотой раме. Поверх всего восседал босоногий возчик в красной вылинявшей рубашке, чернобородый и могучий. Телега завернула во двор. Сдержанному погромыхиванию колес отвечали мелодическим звоном пружины кровати. Чижов, потный и встрепанный, шел сзади – в правой руке был у него новенький сияющий примус, в левой – абажур для настольной лампы и чайник. Сейчас же изо всех окон высунулись любопытствующие физиономии. Возчик остановил лошадь, распутал веревки. Вдвоем с Чижовым они взялись за гардероб, огромный и такой тяжелый, словно это был несгораемый гардероб. Он занял сразу четверть комнаты, другую четверть заняла кровать. Потом в комнату были внесены стулья, картина – и дверь закрылась. Головы, торчащие из окон, начали многозначительно переглядываться, кивать, и пошел работать по всему двору телеграф улыбок и подмигиваний.

За дверью между тем послышался неясный гул, он все нарастал, усиливался и был слышен далеко – то грозно гудел и грохотал в тесной комнате могучий, негодующий бас возчика. Слова сливались, но было ясно, что возчик требует справедливости и, может быть, уже бьет Чижова. Дело в том, что возчик и Чижов друг друга стоили и при найме подводы нарочно договаривались о цене туманными словами, причем один надеялся содрать побольше, а другой дать поменьше. Коса нашла на камень, в комнате началась война. Гул все усиливался, наконец распахнулась дверь, и возчик появился на крыльце, весь пылающий гневом, с красным лицом, с растерзанной вздыбленной бородой.

– Вот они, люди! – сказал он с невыразимой горечью, как человек, обманутый в своих лучших надеждах. – Гардеробы покупают! – Он скорбно усмехнулся и добавил матерное.

Женщины начали поспешно закрывать окна, но это ничуть не смутило искателя справедливости. В порыве негодования он швырнул деньги на землю и загремел с новой силой:

– Книжки читает! Образованный! Сволота несчастная!

И долго еще он бушевал, стоя один посреди двора, поминая вперемежку налоги, овес, крест и печенку; был он страшен – люди попрятались от него в комнаты, куры – в курятник, собаки – в сарай, и только лошадь, видимо давно уже привыкшая к характеру своего хозяина и к его вечным поискам справедливости, мирно дремала у крыльца, изредка передергивая ушами. Наконец, утомившись, возчик подобрал деньги, уселся на телегу и, дабы выразить крайнюю степень презрения, уехал прямо через палисадник и огороды, оставляя за собой на капустных грядках две глубоко промятые колеи. Вслед ему неслись проклятия жильцов, но он даже не обернулся, величественный в своей драной рубашке, надуваемой ветром.

...Комната волшебным образом преобразилась. Чижов смотрел зачарованными глазами. Стены и потолок сияли ослепительной белизной, стекла в закрытом окне, казалось, исчезли совсем, – так чисто протерла их жена маляра, – и было странно, что звуки со двора доносятся глухо и ветер, играющий с листвой, не залетает в комнату. Гардероб отсвечивал красноватым лоском, стулья – черным, пол – желтым. И, глядя на широкую кровать с пружинным матрасом и никелированными шариками, на картину в золотой раме, на все это сияющее великолепие, Чижов понял, что если бы даже и захотел, то не смог бы переменить своего решения

жениться. Такая комната не годилась для холостяка. Здесь все говорило о счастье вдвоем. В такой комнате любой самый закоренелый холостяк женился бы через месяц.

Чижев открыл гардероб. Пахнуло кисловатым запахом свежего дуба, смолой. Гардероб был пуст. Чижев повесил туда свой костюм, пальто, зимнюю шапку, но гардероб все равно оставался пустым. Его могли заполнить только платья. На столе не хватало скатерти, на постели – второй подушки. Чижев подумал с нежностью о Клавдии: такая милая, все молчит, только морщит брови. Что-то непонятное происходило в нем, какое-то размягчение души; если бы он посмотрел на себя в зеркало, то сам удивился бы новому свету в своем лице и глазах. И улыбка была у него хорошая, без ехидства, и губы не кривились на сторону – уже давно он так не улыбался. И странно было ему думать, что до сих пор он мог жить в одиночку, без Клавдии, в своей заплыванной, вонючей конуре. Все прошлое сливалось в одно серое, безрадостное пятно, точно бы до сих пор вообще ничего не было, целых тридцать четыре года ничего не было, а все начнется только завтра. Теплые приятные мысли охватили его: вот сидит хороший, добрый, простой человек, счетовод Чижев, все его любят, и он всех любит, и солнышко светит, и птички поют, травка растет – экая благодать!

Начиналось чудо, и, может быть, худосочная, воспаленная душа Чижева навсегда бы исцелилась любовью. Но этому чуду не суждено было завершиться, а начало его увидели только мальчишки, что гоняли голубей на крыше, немилосердно грохоча по железу босыми ногами. Когда Чижев вышел на крыльцо, мальчишки, присев за трубами, приготовились к бою: они знали, что сейчас Чижев будет ругаться душным, хриплым голосом. Обычно они отвечали ему дерзостями: «Кастанай! Кастанай! На-ко-ся выкуси! Большой, а дурак!» На этот раз они вместо ругани услышали кроткие слова:

– Мальчишки, нельзя ли потише?

Это их до того поразило и напугало, что они притаились за трубами, затем тихонько спустились по лестнице и молча пошли со двора. Чижев вернулся в комнату, подумал, чем бы еще украсить ее, достал из ящика пачку фотографий и прилепил веером над столом. Эти фотографии он привез в позапрошлом году с курорта, и каждая из них была снабжена пояснительной надписью, например: «Я, садящийся в лодку», или: «Я, гуляющий в парке...»

...В этот день мужьям долго пришлось ждать послеобеденных самоваров. Женщины со всего двора собрались у водяной колонки. Пересудам и разговорам не было конца, и все заранее жалели молодую. А когда узнали, что это Клавдия, – ахнули: нашла себе сокола, нечего сказать! Слух пошел из дома в дом и дальше, по всему поселку, и докатился, наконец, до Михаила.

Он только что вернулся из поездки и с паклей в руках ходил вокруг раскаленного паровоза, в железном брюхе которого медленно затихала гудящая, напряженная дрожь.

– Здорово! – сипловато окликнул его знакомый парень, вратарь местной футбольной команды – маленький, черный, жилистый, весь туго закрученный, как пружина. Он был в одних трусиках и в бутсах, на черной голове – платок с завязанными уголками.

– Играем нынче с городскими, – сообщил он. – Реванш захотели, мы им покажем реванш. Приходи. Пятерку унесут они с поля, это уж факт!

Поговорили о том, о сем; словно бы мимоходом, парень сказал:

– Клава замуж выходит. Слышал?

В груди у Михаила все опустело; низко пригнувшись к горячей стали, он глухо спросил:

– За кого же это? За Чижева?

– За него... – Парень сплюнул. – Дура!

– Ее частное дело, – сказал Михаил чужим голосом.

На этом их разговор закончился. Парень ушел, а Михаил так и остался стоять у паровоза с паклей в руках.

Дома нашел он записку от Клавдии. «Дорогой Миша! – писала она. – Я перед тобой очень, очень виновата. Приходи вечером в сад на танцевальную площадку, нам надо серьезно, очень серьезно поговорить. Обязательно приходи, смотри не забудь». Михаил смял записку, бросил вялым движением в окно. Со всех сторон к ней побежали куры, но, разглядев, опять улеглись в горячей пыли на солнцепеке и закрыли круглые янтарные глаза.

В сад Михаил не пошел. Он все знал, и больше не о чем было ему разговаривать с Клавдией. Знакомая дорога повела его в степь. Солнце накалило голую землю, стоял тяжелый ленивый зной, полусон, тишина, над серыми лысынами холмов струилось марево, поднимался от земли сухой, горячий, сгустившийся за день полынный запах. Михаил повернул с дороги. Мертвая, сожженная солнцем трава зашуршала и захрустела под ногами. Он был теперь один на всей земле, а над ним в пустой синеве повис на распластанных крыльях беркут – один во всем небе. Незаметно опустилось за холмы солнце, озолотило высокие облака, а Михаил все шел и шел, все дальше в степь, сам не зная куда.

...Клавдия обегала все закоулки сада, разыскивая Михаила. Может быть, он где-нибудь задержался? Она присела на скамейку в глухой боковой аллее.

Большая липа накрывала ее своей тенью, выше беззвучно плясали в резком электрическом свете мошки и бабочки. Очень тоскливо было смотреть сквозь листву на фонарь. Клавдия опустила глаза. «А если он совсем не придет?» Она подумала вслух и вслух же сама ответила себе: «Если не придет, значит совсем не любит». Она долго сидела, оцепенев, точно бы эта мысль лишила ее жизни. Она не чувствовала в себе волнения – одну пустоту. За день она так устала волноваться, что теперь ей было все равно.

Вдруг она встрепенулась и выпрямилась на скамейке. «Что это со мной? Вот еще новости – совсем раскисла!» Она достала из сумочки пудреницу, круглое зеркальце. Ну, конечно! В письме назначила на танцевальной площадке, а сама ушла куда-то в закоулок! Она пудрилась торопливо. Наверное, давно уже пришел и ждет. Удивляется – почему нет?

Она встала, чтобы идти на площадку, и вдруг увидела тень, выдвинувшуюся из кустов на аллею. Тень была в кепке. Сердце застучало часто и нервно. Клавдия прерывисто вздохнула, но виду не показала – пошла себе потихоньку, будто ничего не заметила. Шаги нагоняли ее. «Нашел и здесь, – подумала она с благодарной нежностью. – Нашел все-таки...» Ее плеча осторожно коснулась рука. Клавдия остановилась, ждала затаив дыхание, покусывая липовый листок.

– Клавочка!

Это был голос Чижова! Она шагнула вперед, резко выдернув плечо из-под его руки. Чижов забежал сбоку.

– Я думал, вы сегодня не пришли. Нигде нет. Я уж искал, искал...

– Да? – холодно улыбнулась Клавдия. А сама думала в смятении: «Вот еще не хватало! Не дай бог, увидит Мишка!.. Да еще в таком месте... Одних!..»

– Клавочка! – повторил Чижов. Он волновался, потирал руки. От него шел густой запах парикмахерской, волосы гладко и постно зачесаны; новая рубашка в клеточку, новые черные брюки – словом, вид у него был торжественный. – Присядем на минутку.

Он потащил ее к скамейке. Она села неохотно, с одной мыслью: «Поскорее бы... Что ему надо? Вдруг Мишка?..» Вздыхала, вертелась, оглядывалась. Чижов молчал. Клавдия покосилась. Все очень странно.

– Так вот, – начал он. – Дело в следующем... – И опять замялся.

А Клавдия уже догадалась и похолодела в смятении. Только этого не хватало!

– Я очень спешу... – Она привстала, но Чижов схватил ее за руку, удержал на скамейке. Тоскливо замирая, Клавдия подумала: «Сейчас, вот сейчас!..»

Чижов бухнул, как в пруд головой:

– Я на вас жениться хочу.

– О-ох! – застонала Клавдия. У нее даже слезы выступили на глазах, до того ей было нехорошо.

Чижов сильно засопел, потянулся к ней. Она отодвигалась по скамейке все дальше к самому краю.

– Не надо! – торопливо говорила она, перехватывая его руки. – Слышите, говорю же, не надо... Ну, прошу же! Ну что вы! Не надо! – Она вскочила, прижалась к шершавому стволу липы.

Электрический свет, пробивая листву, падал на ее шею, на голые руки, покрытые матовым теплым загаром. Чижов недовольно ворочался на скамейке – все шло не так, как он думал, все по-другому, с каким-то вывертом. Он предполагал в Клавдии больше выдержки, деловитости.

– Клавочка, вы, может быть, думаете, я в шутку? Я серьезно.

Клавдия услышала хруст песка и сказала не оборачиваясь:

– Не надо. Не подходите.

– Позвольте, – обидчиво сказал Чижов, дыша ей в спину. – Я ведь не какой-нибудь. Я не какой-нибудь там алиментщик и так и далее. Я вам предлагаю руку и сердце. Вы, кажется, слышали. Русским языком было сказано.

Он уже почувствовал неладное и встревожился.

Клавдия пожалела его, а себя почувствовала виноватой.

– Я очень извиняюсь, – мягко сказала она. – Очень извиняюсь. Вы не обижайтесь, но я не могу. Очень досадно, что все так вышло. Но я не могу...

Он слушал молча и вдруг вскрикнул, как человек, напуганный спросонья.

– Что? Что?.. То есть как? – забормотал он обрывисто и торопливо, прижав ладони к груди. – Что это «не могу»? А?! Это что такое «не могу»? А?

– О господи! – воскликнула Клавдия с мукой в голосе. – Ну, не могу! Сказала ведь – не могу! Чего же спрашивать! Не могу! Не могу! Не могу!.. – Она быстро пошла по аллее, твердя все время: – Не могу. Сказала ведь! Ах ты, господи! Не могу!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.